

Елена Тюрина

ДОМ В КОНЦЕ СИРЕНЕВОЙ АЛЛЕИ

RUGRAM

Москва
2023

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
Т98

Тюрина, Е.

Т98 Дом в конце сиреневой аллеи/ Е. Тюрина. — М. : Т8 Издательские технологии / RUGRAM, 2023. — 218 с.

ISBN 978-5-521-92520-9

Когда они учились в школе, Сергей был не лучшего мнения об Оле. Несуразная, нескладная, вечно забитая девочка. Кто бы мог подумать, что она так расцветёт! Обычная встреча выпускников. Сергей пригласил Олю на танец. И выяснил, что бывшая одноклассница работает агентом по недвижимости. А у него как раз есть дом, который нужно продать. Оля согласилась помочь. Но оказалось, что вокруг недвижимости витает флёр тайны, а покупатели упорно обходят её стороной. По слухам, там когда-то жила ведьма. Продать такое наследство будет непросто. Особенно после того, как во дворе обнаружилось чьё-то захоронение.

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2Рос=Рус)
BIC FC
BISAC FIC000000

ISBN 978-5-521-92520-9

© Тюрина Е., 2023
© Кулясова В., оформление, 2023
© Казанцева В., дизайнер, 2023
© RUGRAM, 2023
© Т8 Издательские технологии, 2023

Пролог

Лето 1943 г.

Когда выбрались из траншеи, по которой брели ночью, за-
легли в лесу и с колотящимися сердцами прислушивались
к каждому шороху, вздрагивали от любого дуновения ветра.
Несмотря на страшную усталость, никто не смог сомкнуть глаз.
Так и пролежали весь день, боясь промолвить хоть слово и об-
мениваясь лишь взглядами. К ночи окончательно утвердились
в мысли, что погони нет. Либо их побег ещё не заметили, либо
собаки не взяли след. Ведь не зря же они столько времени
шли почти по колено в нечистотах. С наступлением темноты
страх притупился. Понемногу разговорились. Пытались по-
нять, где находятся. Хотя выбора особо не было. Просто брели,
надеясь не нарваться на фрицев. Временами вдалеке слыша-
лась артиллерийская канонада и взрывы. Отголоски боя... Но
через пару дней пути звуки близкого фронта пропали. Выхо-
дит, они сейчас были либо в глубоком тылу, либо в немецком
окружении. Спали днём прямо на земле. Ели что придётся.
Однажды на чьём-то огороде накопили немного картошки.
К домам подходить близко опасались, ведь там могли быть
фашисты. Но долго так продолжаться не могло. Тела уже у всех
чесались. Хотелось отдохнуть, помыться, поесть нормально.

Поэтому на пятый день скитаний, когда вышли к какому-то населённому пункту, решено было постучать в крайний дом, стоящий на отшибе.

Почти сразу в одном из окон отодвинулась занавеска. И тут же задёрнулась. Беглецы ничего не успели рассмотреть. Но вскоре дверь отворилась. На пороге стояла женщина.

— Быстро входите, — сказала тихо и твёрдо, пропуская их в дом и озираясь по сторонам. — Вы откуда? Вокруг немцы!

— Из плена бежали, — ответил кто-то из солдат. — От станции В... уже пять дней идём. Здесь, в деревне, немцы? Нам бы в город.

— У нас нет. Недавно были, но ушли, — пояснила хозяйка. — В соседней деревне они. А до города почти сорок километров.

— Можно переночевать? — спросил несколько нагло самый младший из группы Никита Дергачёв.

Все посмотрели на него хмуро, дескать, вот наглец. Но каждый в душе надеялся, что женщина не прогонит.

— Ну а что? — стушевался и стал оправдываться парень. — Нам хоть ночку отдохнуть и обогреться. Да и помыться нужно, смыть с себя это всё...

Он окинул брезгливым взглядом собственную одежду.

— Хорошо, оставайтесь, — согласилась хозяйка.

Прошли в большую просторную комнату. В лицо пахло уже почти забытым ароматом домашней выпечки, запахом дома, довоенной жизни.

Степан вместе с остальными опустился на лавку, осматривая всё вокруг своими васильковыми глазищами. Сразу ощутил, как от усталости гудит тело. Как же хорошо вот так просто сидеть в тёплом и сухом доме. Он-то уж решил, что сгинет в немецком плену или в этих проклятых лесах.

Хозяйку звали Вера Васильевна. Женщина была красивая. С тонким станом, но пышной грудью, синеглазая, черноволо-

сая. Исполненная какого-то внутреннего достоинства. Голос у неё был глубокий, мелодичный. Наверное, она хорошо пела. Но этого Степану не довелось узнать. И была в ней некая тайна. А ещё какая-то печаль. За те два дня, что они провели в её доме, ни слова не сказала о муже, детях. Неужели вот так и жила совсем одна? Если не стояла у печи, то сидела у окна с книгой. Один раз Степан подошёл, спросил, что читает. Оказалось, «Тихий Дон» Шолохова. И как-то сразу закрыла книгу, убрала подальше. Словно застеснялась. Чего? Книги?

Нужно было уходить. Решили, что следующим вечером отправятся в путь. Не хотелось злоупотреблять гостеприимством. Хоть их никто и не гнал. Днём помогали хозяйке по дому, в огороде работали, в баньке парились. Кое-кто пытался приударить за Верой Васильевной. Но любые поползновения в свой адрес она пресекала. Поэтому настаивать никто из мужчин не осмелился. Трудно было рядом с такой красавицей, когда до этого не общались с женским полом месяцами. Поэтому и старались мужики занять себя кто чем, чтоб мысли дурные в голову не лезли.

— Одежду я вашу выстирала, просушила, — сказала Вера Васильевна за завтраком. — Кое-что заштопала. А кое-что вам подобрала из того, что у меня было.

Ребята дружно закивали, жуя кашу и закусывая домашним хлебом. Степан отметил про себя, что, выходит, в доме мужские вещи есть, значит, муж или сожитель имелся. Может, на фронт ушёл и погиб?

— Какая она красивая, да? — прошептал на ухо Степану Никита. — Вот за таких женщин мы воюем! За настоящих русских женщин! И ради них Родину защищаем! За всех советских женщин!

Степан улыбнулся этой восторженности восемнадцатилетнего пацана. Самому ему всего двадцать было, но он себя чувствовал умудрённым опытом мужчиной. Уже женат, и дочь

имеется, а скоро второе дитя появится на свет. Поэтому он прекрасно понимал товарища. Женщина эта была такая, за которую стоило воевать. Даже одному броситься на пулемёт или под танк стоило. Даже умереть не жаль. Он это сразу понял, когда увидел её. Хотя и не юная барышня. Но такую красоту редко встретишь. Особенно сейчас. Одни глаза чего стоят. Синие-синие, почти как у самого Стёпки. Только без его юношеского задора, который не смог погасить даже немецкий плен.

Следующей ночью их размеренное существование нарушило странное событие. В дверь неожиданно постучали. Со своей лежанки, отодвинув полог, Степан видел, как хозяйка встала, накинула шаль и вышла в сени. Было слышно, как что-то говорили... И вроде на иностранном. Фашисты?! Неужели она шпионка, предательница?! Да нет, не похожа. Не может такая своих выдать. Вскоре Вера Васильевна вернулась, наспех схватила какие-то вещи и снова вышла во двор. Сквозь сон Стёпа слышал шум, потом снился новорождённый сын — красный от натуги, истошно кричащий младенец...

Он заметил, что хозяйка к нему больше всех расположена. Спрашивает о его жизни, о том, как ему воюется, как в плен попал и откуда он вообще родом. А может, это ему так казалось. Потому что другие по причине понятной мужской тяги надолго с Верой старались не оставаться. Он же всё о жене рассказывал и маленькой дочке, да о родителях немного. Сам не понимал, почему так разоткровенничался. По душе ему была эта женщина. Хотелось с ней поговорить, поделиться и наболевшим, и радостью.

На третий день, едва начало светать, они уехали. Позже, чем планировали. Вера Васильевна стояла у ворот, провожая их. Потом прикрыла калитку. Наверное, вернулась в дом, чтобы сесть за книгу. И всё... Тайна, которую Степан так и не открыл для себя. Когда позже думал о ней, то вспомнил, как она вскользь обмолвилась о каком-то страшном грехе, который

якобы на ней лежит. Или о проклятии. Он тогда невнимательно слушал, поэтому плохо запомнил. Только внутреннее ощущение осталось, как осадок, о том, что в жизни этой гордой женщины было нечто страшное.

Войну Степан закончил в Берлине. Целым и невредимым. За эти годы чего только ни доводилось видеть, каких только баб не встречал. Но та, что приютила их, бежавших из плена, в память врезалась особенно хорошо. Всё думал о ней. Зацепила чем-то. А ещё понял, что младенец тогда не во сне его плакал, а наяву. Откуда он взялся там среди ночи? Загадка. Была у него мысль её навестить после войны. Но так и не решился. Да и зачем?

Откуда Степану было знать, что тогда, в день их отъезда, когда они скрылись за поворотом улицы, хозяйка вошла во двор и тут же рухнула на траву, как подкошенная. И зарыдала. Точнее, закричала. Резко, отрывисто. Принялась кататься по земле, как безумная, кусать платок. Но на крик никто из оставшихся в деревне немногочисленных жителей не вышел. Война, страшное время. Не стоило лишний раз высовываться.

Глава 1

Зима 2021 г.

— Трёх детей родила, и никого в живых нет, — рассказывала старушка-соседка по больничной палате.

Она оказалась очень общительной. Говорила о том, как ездила поднимать целину, как познакомилась там с каким-то белорусом, забеременела от него и он сбежал. Ребёнок протянул всего пару месяцев. Во время родов его «раздавили» врач и акушерка, помогая женщине разрешиться от бремени. Мальчик появился на свет слабым, покалеченным и не жизнеспособным. Второму малышу, рождённому уже здесь, на родине, тоже не суждено было выжить.

— Повитуха, принимавшая роды, подстелила под меня клеёнку. Воды и кровь на неё стекали. Она их не успевала выливать. Когда ребёнок пошёл, то личиком прямо туда и уткнулся. И с первым вдохом глотнул не воздуха, а воды. Так и захлебнулся. Она его тельце рядом со мной положила. Он так сутки, наверное, пролежал. Потом мне лучше стало, хотела его похоронить. А повитуха его, оказалось, уже унесла и закопала.

За окном густо валил снег, поэтому в палате было серо, как вечером. Решили зажечь тусклый больничный свет.

Александра Степановна — так звали пожилую женщину — рассказывала о своих трагедиях таким будничным тоном, что было понятно — давно пережила, уже отболело. Её третий ребёнок — дочь — появилась на свет здоровой, выросла и подарила матери внука. Однако десять лет назад она скончалась за границей, куда уехала на заработки. Внук был единственной отрадой восьмидесятилетней старушки.

Ольга слушала, вежливо кивая, а сама думала о своём. Она попала в больницу по скорой. До вчерашнего дня молодая женщина не бывала в таких учреждениях. Но когда её неожиданно скрутила сильная опоясывающая боль, отдающая в правое плечо, Ольгу привезли сюда. УЗИ показало, что у неё хронический холецистит и, возможно, потребуется операция. А тут ещё встреча выпускников на следующей неделе... Теперь она вряд ли туда попадёт. Да, в общем-то, не особо и хотелось. Всему виной некачественное питание и нервная работа — решила молодая женщина. Теперь ничего нельзя есть, и её питанием стали глюкоза, но-шпа, раствор Рингера, ужасно болезненные уколы антибиотика и много других лекарств, которые капали и кололи.

Тем временем соседка перешла к рассказу об отце, участнике боевых действий. Как он с товарищами бежал из немецкого плена через ров, служивший выгребной ямой. Они прошли по тому рву по колено в нечистотах и вышли в лесу. Там залегли до ночи. Двигались только в тёмное время суток. Когда оказались у какого-то села, постучали в крайний дом. Местная жительница дала им одежду и накормила. Интересно. Как будто сюжет книги или фильма. А ведь это правда, чья-то жизнь. Ольга вздохнула. Вторая соседка, женщина лет шестидесяти, молча слушала. Третья, девушка лет двадцати пяти, похоже, спала. Она вообще всё время лежала и молчала. Поступила на следующий день после Ольги, а диагноз ей пока так и не поставили. Непонятные боли в животе. Терпела неде-

лю. Сначала ей диагностировали аппендицит, но УЗИ это не подтвердило. Жаль девочку...

О войне было слушать гораздо интереснее, чем о детях. Ольга вообще не любила, когда рассказывали о детских болезнях или смертях. Да и кто такое любит? Но ей это было особенно больно, ведь в свои тридцать детей она не имела. Очень хотела родить, но не от кого. Муж-бизнесмен не хотел бытовых хлопот и саму её давно не хотел.

Ольга наблюдала, как мерно капает по трубке в её вену лекарство. В этой самой обычной городской больнице оказалось очень уютно. Насколько это вообще возможно в больнице. Ремонт ещё советский, врачи и медсёстры добрые, внимательные. Палата на шесть человек, с чайником и телевизором. Муж предлагал перевезти её в областную, более продвинутую в плане оснащения, или даже в частную клинику, но Ольга отказалась.

Правда, атмосфера угнетала. Эти краем уха услышанные фразы врачей — «Там женщина поступила, всё в метастазах уже, без шансов...», «Рядом с ним жена будет дежурить, говорит, не хочет, чтоб он дома умирал, здесь легче...». Странно, почему онкологических больных тоже сюда везут? Или хирургическое отделение обязано их принимать? Она сама вообще-то должна лечиться у гастроэнтеролога. А повезли сюда. Все эти чужие трагедии её не касались, но как же тяжело было постоянно находиться в окружении боли. Как врачи всё это выдерживают и ещё умудряются сохранить жизнерадостный настрой, шутить над бедой и смертью? Больничные будни, чужие жизни, ежедневно проносящиеся перед глазами, были одновременно интересны и печальны. Но и хорошего тоже было немало. Практически ежедневно происходило что-то доброе или даже забавное.

Ольге очень симпатизировали молоденький интерн Петя и новенькая соседка по палате Ира. Первый в силу своего асте-